

ОБРАЗ АРИСТОТЕЛЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 1(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10302

С. Н. Астапов

Южного федерального университета

В статье на основе анализа древнерусских текстов реконструирован образ Аристотеля, созданный русскими книжниками XI–XVII веков. Определены две разновидности этого образа: 1) языческий философ, мудрость которого тщетна; 2) совершенный мудрец и учитель. Показана зависимость формирования указанных разновидностей образа от специфики той социальной среды, в которой создавались тексты, а также от ценностей, доминировавших в русской культуре на определённом этапе её исторического развития. Первая разновидность – носитель бесполезной мудрости – была сформирована в монашеской среде и служила для назидания совершенствоваться в аскетических, а не риторических упражнениях. Вторая – совершенный мудрец – имела место в основном в «отречённых», то есть еретических книгах, недопустимых, с точки зрения церкви, для чтения благочестивому человеку, но ставших популярными в русской культуре XVI века. В XVII веке в России происходит смена культурных доминант, и, в связи с организацией образования по опыту европейских коллегий и переводом европейских учебников, образ Аристотеля как мудреца сменяется образом великого учёного, основоположника всех наук.

Ключевые слова: Аристотель, древнерусская культура, книжность, мудрец, образ, философ.

Sergey N. Astapov

Southern Federal University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Bolshaya Sadovaya str., 105/42, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation

THE IMAGE OF ARISTOTLE IN THE OLD RUSSIAN CULTURE

The article is devoted to reconstruction of the image of Aristotle created in the Old Russian culture. The reconstruction is based on analysis of the Old Russian texts (11th – 17th centuries). Two kinds of the image are distinguished in the article: 1) Aristotle as the pagan philosopher whose wisdom is vain; 2) Aristotle as a perfect wiseman and teacher. It is demonstrates dependence of these types from specific features of the environment where were created the texts and from the values which dominated in certain historical period of Russian culture. The first image was formed in the monastic environment and served edification to be perfect in asceticism and to do not waste time in rhetorical exercises. The second image takes place mainly in books the reading of which was prohibited by the church authorities. However these books got popularity in the Russian secular society in the 16th century. In the 17th

АСТАПОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

ASTAPOV SERGEY NIKOLAYEVICH – Full Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, the Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University in Rostov-on-Don

e-mail: snastapov@sfedu.ru
© Астапов С. Н., 2019

century change of cultural dominants took place in Russia, education system formed after model of European colleges and European textbooks were translated in Russian. In this connection the new image of Aristotle was formed – as a great scientist and founder of scientific knowledge.

Keywords: Aristotle, bookness, image, Old Russian culture, philosopher, wiseman.

Для цитирования: Астапов С. Н. Образ Аристотеля в древнерусской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 23–29. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10302

Литературные памятники Древней Руси содержат много разнообразных сведений о древнегреческих философах. Это является свидетельством рецепции античной философии древнерусской культурой, а то, как осуществлялась эта рецепция, служит предметом интереса для разных исследователей. Но сосредоточенность исследований на рецепции философии оставляет в тени образы философов, сложившиеся из представлений об античных мыслителях не только как авторах тех или иных рассуждений, но и как о литературных персонажах, изречения и действия которых получали оценку древнерусских книжников. Это замечание относится, прежде всего, к образу Аристотеля, автора, чьих сочинений на Руси до середины XVII века не переводили и не читали даже в сколько-нибудь значительных фрагментах, но о нём самом знали как о великом философе – «редко (почти никогда) какой-либо сборник изречений или историческое сочинение обходилось без упоминания его имени» [12, с. 248].

Такая ситуация – отсутствие в древнерусской книжности рецепции философского учения Аристотеля при известности его имени – объясняется тем, что для средневековой культуры Аристотель – прежде всего автор «Органона», изучение которого вырабатывает умения правильно строить рассуждения, обосновывать свои идеи, доказывать, вести учёный спор. Эти умения были важны для западноевропейских мыслителей, так как в Западной Европе философия

была рациональным инструментом построения и обоснования теологической доктрины, – для них философия Аристотеля являлась своего рода канонem и основанием теоретического конструирования вероучительных положений. Но эти умения не были востребованы древнерусской мыслью, в которой доминировало нравственно-эстетическое отношение к знанию, а не дискурсивно-логическое. Нравственно-созерцательный характер православного богословия, соединившийся с мифопоэтическим мировосприятием славян, имевшим корни в вытесненной христианством их языческой культуре, дал тот тип мышления, где «рацио не исключается, но включается в систему всеохватывающего интуитивно-эмоционального познания мира как необходимая, но не высшая форма его постижения» [2, с. 59]. Для такого мышления нужен был не логический органон, а образ, который бы соединял благое и прекрасное, полезное и возвышенное, причём, в силу того, что основой культуры являлось христианство, этот образ должен был служить идеалу достижения Царства Небесного.

Образ Аристотеля такому идеалу не соответствовал – по крайней мере, в основной массе древнерусской литературы до середины XVI века. Подавляющее большинство произведений этого времени, упоминающих имя Аристотеля, – сочинения, написанные византийскими и переведённые русскими монахами для «душеполезного чтения». В этом массиве литературы Аристо-

тель представлен как языческий мудрец, чья мудрость совсем бесполезна для спасения души. С XI по XVI век, когда доминировал в сознании теоцентризм [11, с. 220–221], русские книжники внушают читателям мысль: языческая мудрость, образцом и вершиной которой была мудрость Аристотеля, губительна для христианской веры, потому что для признания истинным какого-либо положения она требует строгих логических доказательств, а недоказанное не считает истинным. Особенно ярко об этом пишет Максим Грек в «Слове обличительном, отчасти, против латинского зловерия» (XVI век): «Ибо всякое значение имеет у вас Аристотель, который завлѣк вас или, лучше сказать, потопил вас перипатетическими силлогизмами и хитрословиями, не дозволяя вам удобно соглашаться с тем, что сказали пророки и апостолы таинственно о Троице» [7, с. 279].

Заблуждающимся изображѣн Аристотель и в «Хронике Георгия Амартола», переводном произведении XII века: «Аристотель блудник, живу сущю и ещё Платону, яве и бестудно исполчишася и бестуднаго прият брань, ни учительства его почте, юже честно прѣя ... гордо и неустыдеся омрачѣн нань противоуста, не лучши оного, но болма хужьших приим предания, ибо ведати души оного изглаголати тридневным и бессмертныи же и богообразен, Аристотель ре умершю истле» [4, с. 75]. Автор осуждает Аристотеля за то, что тот выступил против своего учителя Платона с ложным учением о том, что после смерти и душа полегит тлению. Для византийского автора и для древнерусского переводчика ложна вся языческая философия, потому что она, по словам апостола Павла, – «по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8). В этом смысле для них и Платон ничем не

лучше Аристотеля. Яркое свидетельство тому можно обнаружить опять же у Максима Грека: «Напрасно ты, Людовик, производишь в качестве достоверных свидетелей для доказательства счастья и рока Платона, Аристотеля, Плотина и некоторых других нечестивых эллинов, ничего истинного и угодного Богу не мудрствовавших и в большинстве случаев противоречащих друг другу» [5, с. 135].

Но с XII века, по книгам не религиозного содержания, известен и другой образ Аристотеля – мудрого учителя великого правителя. Так, в «Александрии» Аристотель представлен как наставник Александра Македонского, сформировавший своим преподавательским искусством лучшие качества великого царя, – «великий философ и учитель дивный» [1]. Преданность Александра Аристотелю и в этой книге, и в других древнерусских сочинениях осмысливалась ещё и как любовь «образцового» правителя к мудрости. Несмотря на то, что эта мудрость не христианская, а «внешняя», но она не уводит от спасения души, а потому полезна и наставительна и для управления государством, и для добропорядочной жизни.

Например, в «Пчеле», сборнике поучений, первые русские переводы которого относятся также к XII веку, Аристотель – автор ряда назидательных изречений. В тексте «Пчелы» по новгородскому списку XIV века (текст этого памятника в разных рукописях имеет вариативное содержание) Аристотелю приписываются следующие афоризмы: «Бог может сотворить, сколько захочет, человек же хорош тот, кто пользу принесёт»; «Советы не что иное, как оскудение ума. Ибо не зная, что делать, а что – нет, оттого и просим совета; мнение другого не даёт нам решить, как следует»; «Твёрже тот, кто побеждает желания, а не вои-

нов. Лишь тот смел и храбр, кто сам себя одолеет»; «Богатство нужно приобретать ради друга, но не друзей ради богатства» [9, с. 489, 491, 493]. Заметно, что направленность этих афоризмов не религиозная, а нравственно-практическая.

С XV века на Русь становятся известными так называемые отречённые книги – тексты, связанные с ересью жидовствующих, в основном переводы средневековых еврейских и арабских текстов. Эти книги пришли на Русь из Польши и в скором времени стали здесь весьма популярными, о чём свидетельствуют и переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, и письма царя Алексея Михайловича, и Соборное уложение 1649 года. Наиболее известными из «отречённых книг» являются «Тайная Тайных» (в другом названии «Врата Аристотелевы»), «Логика Авиасафа» (извлечения из Аль-Газали) и «Книга, глаголемая Логика, сиречь Словесница» (извлечения из Маймонида). В этих книгах Аристотель предстаёт как носитель истинной мудрости и некоего тайного знания. По причине популярности этих книг в древнерусской культуре происходит трансформация образа Аристотеля – теперь древнегреческий философ уже не автор тщетного мудрствования, а пророк, посланный Богом наставлять язычников истинной мудрости.

«Тайная Тайных», псевдоаристотелевский трактат, автором которого считают аль-Харизи, содержит (или сопровождается им – в зависимости от списка) «Сказание о еллинском философе, о Премудром Аристотеле, представляющее собой очень сокращённый перевод жизнеописания Аристотеля по Диогену Лаэртскому. В «Сказании» Аристотель представлен как истинный мудрец и по образу мысли, и по образу жизни: «Он говорил и писал в книгах своих так: “Бесконечно существо Божье, бытие

которого не имеет начала, а силой слова его все крепкое происходит”, и прочее. И другие многие умные вещи он написал и о недугах внутренних разъяснил» [10].

Здесь же, в «Сказании», встречается единственное для древнерусской литературы описание внешности Аристотеля: «Роста он был среднего, голова у него была небольшой, голос высокий, глаза маленькие, ноги худые; а носил он разноцветную и хорошую одежду. Любил он носить перстни и цепи золотые» [10].

И описанная внешность, и образ Аристотеля, как совершенного мудреца, пророка язычников, получили живописное воплощение на фреске Богоявленского собора Московского Кремля «Древо Иесеево» (середина XVI века). На ней Аристотель изображён в ряду не библейских пророков, человеком среднего роста с длинными волосами и бородой, в одеждах разного цвета и венце, символизирующем высочайший статус Аристотеля среди античных мудрецов. В руке он держит свиток со словами, утверждающими первенство Бога¹.

В. В. Мильков, анализируя названные «отречённые книги», по поводу сочинения

¹ Ю. Н. Звездина приводит музейное описание фигуры Аристотеля, составленное И. Я. Качаловой: «Аристотель написан слева от двери, в рост, в трёхчетвертном повороте вправо, он протянул вперед руку с развёрнутым свитком, на вставке, занимающей нижнюю половину свитка, текст отсутствует. Сохранность авторской живописи достаточно полная. На лице по всей поверхности прослеживается зелёный санкирь, коричневые описи на глазах, носу, бороде. Кисти рук написаны на вставке. Корона охристая. Платье светлое, почти вся поверхность лессировочно разбелена, складки выполнены широкими тёмно-вишневыми линиями. Такая же линия очерчивает контур спины. Плащ травянисто-зелёный, разделка почти полностью утрачена. Обувь вишнёвая. Фон на этом участке интенсивного синего цвета. Поzem зелёный. Надписи, подписи: на свитке “ПЕРВОЕ БГ./ ПОТО {М} СЛОВО / И ДУХ СТЫ/Й”. XIX век по остаткам подлинных букв» [3, с. 469].

«Книга, глаголемая Логика, сиречь Словесница» пишет: «Весьма необычным для древнерусской традиции является отношение автора трактата к философам и философии. Это видно по тому, что Аристотель, как высоко почитаемая фигура в арабо-еврейском мире, ставится в “Логике” в один ряд с мудрецами израилевыми. Он – “голова всем философам, первым и последним, подлуг смыслу мудрецов израилевых”. По сути, античный философ приравнивается к пророку, а его знания отождествляются с пророческими: “равен в пророческих фундаментах, занеже невозможно есть, абы пророк не полон был в седми мудростях”» [8, с. 285]. Но фреска «Древо Иесеево» свидетельствует об уже произошедшей трансформации традиции в XVI веке – эта фреска живописными средствами передаёт отношение к Аристотелю, словесно выраженное в «Логике», демонстрируя, что к середине XVI века отмеченное В. В. Мильковым отношение становится обычным, поскольку на смену теоцентризму приходит антропоцентризм [11, с. 221]. На произошедшую трансформацию указывает и Ю. Н. Звездина, отводя ключевую роль в ней другому тексту – «Пророчествам еллинских мудрецов» [3]. В этом тексте Аристотель отвергает божественность Аполлона и предсказывает Боговоплощение.

Сложившийся позитивный образ Аристотеля использует в полемике с «звёздоблюстителями» Максим Грек. Несмотря на то, что он считал мирскую мудрость суетной, распространявшемся на Руси увлечению астрологией он счёл возможным противопоставить среди прочих аргументов и авторитет языческих философов: «Ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель, эти наиболее уважаемые и истиннолюбивейшие из числа еллинских философов, никогда не склонялись к согласию с обманчивым га-

данием по движению звёзд, как это ясно видно из их сочинений. Аристотель, уразумев, что это обман, и что понапрасну гадание это пользуется у них наименованием науки, осудил оное, признал презренным и ложным, сказав негде в своих сочинениях относительно предсказаний о будущих событиях, что это не есть окончательная истина, и что об этом нет ни видения, ни науки» [6, с. 251].

С 40-х годов XVII века начинается секуляризация в русской книжности [11, с. 193], а в русской культуре происходит смена культурных доминант. Европейская культура Нового времени в это время активно проникает на Русь. В этой культуре преимущество имело знание о мире, а не о спасении души. Более важным был образ учёного-исследователя, а не созерцательного мудреца. Традиционный для древнерусской книжности образ Аристотеля как мудреца с отрицательной («лукаво мудрствующий») или положительной («превозмогший премудростью») коннотацией сменяется образом великого учёного, основоположника всех наук.

Во многом такой смене способствовало пришедшее на Русь европейское образование. Так, в Киевской коллегии (Киево-Могилянской академии) образование, по образцу иезуитских коллегий, велось по комментированному, точнее интерпретированному схоластической традицией, сочинениям Аристотеля: и натурфилософским, и этическим, и политическим. Но основными в этой системе образования были логические и риторические трактаты Аристотеля. Безотносительно к тому, сколько в учебниках было текста самого Аристотеля, а сколько псевдоаристотелевских фрагментов и текста интерпретаторов, все они были освящены авторитетом самого Аристотеля, и у обучавшихся формировали образ Аристо-

теля именно как основателя научного знания. Схожий образ Аристотеля формировали и книги, по которым стали вести обучение в московской Славяно-греко-латинской

академии. Это уже был образ не мудреца, а автора трактатов по различным отраслям «естественного» (в отличие от богословского «сверхъестественного») знания.

Примечания

1. Александрия [Электронный ресурс] / подг. текста, пер. и комм. Е. И. Ванеевой // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) : [веб-сайт]. Электрон. дан. UR: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5126>
2. Громов М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 54–61.
3. Звездина Ю. Н. Образ Аристотеля в России середины XVI и второй половины XVII века // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности : московская международная конференция, 17–19 октября 2016 года, Институт философии РАН : материалы к докладом / Институт философии РАН [и др. ; отв. ред. В. В. Петров]. Москва : Аквилон, 2016. С. 467–476.
4. Истрин В. М. «Книги временныя и образныя Георгия Мниха». Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том 1. Текст. Петроград : Российская государственная академическая типография, 1920. 634 с.
5. Максим Грек. Возражения против Иоанна Людовика, толкователя священной книги блаженного Августина, епископа Иппонского // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе : в 3 частях. [Сергиев Посад] : Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911. Часть 3. С. 135–149.
6. Максим Грек. Против тех, которые усиливаются посредством рассматривания звёзд предсказывать будущее, и о свободной воле человека // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе : в 3 частях. [Сергиев Посад] : Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911. Часть 2. С. 239–262.
7. Максим Грек. Слово обличительное, отчасти против латинского зловерия, здесь же и против «Альманаха», который возвелеречил, что будет всемирный потоп более губительный, чем упоминаемый когда-либо // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе : в 3 частях. [Сергиев Посад] : Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911. Часть 2. С. 276–293.
8. Мильков В. В. Переводные философские сочинения в русской книжности конца XV – середины XVI веков: еврейские и арабские влияния // Историко-философский ежегодник. 2016. С. 269–295.
9. Пчела / подг. текста, пер. и комм. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси : XIII век / вступительная статья Д. С. Лихачева ; составление и общая редакция: Лев Александрович Дмитриев, Дмитрий Сергеевич Лихачев; оформление художника В. Вагина. Москва : Художественная литература, 1981. С. 486–519.
10. Сказание об Аристотеле [Электронный ресурс] / подг. текста, пер. и комм. Д. М. Буланина // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5114>
11. Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций : монография. Москва : Издательство Литературного института имени А. М. Горького. 2008. 528 с.
12. Чумакова Т. В. К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // Вече. Альманах русской философии и культуры. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. Вып. 16. С. 243–256.

References

1. *Aleksandriya [Alexandria]*. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5126> (In Russian)
2. Громов М. Н. Gromov M. N. Vechnye tsennosti russkoy kultury: k interpretatsii otechestvennoy filosofii [Eternal values of the Russian culture: on interpretation of native philosophy]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1994, no. 1, pp. 54–61. (In Russian)

3. Zvezdina Yu. N. *Obraz Aristotelya v Rossii serediny XVI i vtoroy poloviny XVII veka* [The image of Aristotle in Russia in the middle of the 16th century and the second half of the 17th century]. In: Petrov V. V. *Aristotelevskoe nasledie kak konstituiruyushchiy element evropeyskoy ratsional'nosti: moskovskaya mezhdunarodnaya konferentsiya, 17–19 oktyabrya 2016 goda, Institut filosofii RAN. Materialy k dokladam* [Aristotelian heritage as a constitutive element of European rationality: Moscow International Conference, October 17–19, 2016, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Reports]. Moscow, Publishing house “Akvilon”, 2017. Pp. 467–476. (In Russian)
4. Istrin V. M. “*Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Mniha*”. *Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. Tom 1. Tekst* [Chronicle of George Hamartolos in the old Slavonic-Russian translation. Text, research, vocabulary. Vol. 1. Text]. Petrograd, 1920. 634 p. (In Russian)
5. Maksim Grek. *Vozrazheniya protiv Ioanna Lyudovika, tolkovatelya svyashchennoy knigi blazhennogo Avgustina, episkopa Ipponskogo* [The objections against Juan Lluís, interpreter of sacred book of St. Augustine, bishop of Hippo]. *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode, v 3 chastyakh, chast' 3* [St. Maximus the Greek's works in Russian, in 3 parts, part 3]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1911. Pp. 135–149. (In Russian)
6. Maksim Grek. *Protiv tekh, kotorye usilivayutsya posredstvom rassmatrivaniya zvyozd predskazyvat' budushcheye, i o svobodnoy vole cheloveka* [Against who have effort to foretell future through examination of stars and on free will of a human]. *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode, v 3 chastyakh, chast' 2* [St. Maximus the Greek's works in Russian, in 3 parts, part 2]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1911. Pp. 239–262. (In Russian)
7. Maksim Grek. *Slovo oblichitel'noe, otchasti protiv latinskogo zloveriya, zdes' zhe i protiv “Al'manakha”, kotoryy vozvelerechil, chto budet vseмирnyy potop bolee gibel'ny, chem upominayemyy kogda-libo* [The antithetic word in part against the Latin bad faith and here against “Almanac”, which proclaimed that the Flood will be and it will be more disastrous than mentioned ever]. *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode, v 3 chastyakh, chast' 2* [St. Maximus the Greek's works in Russian, in 3 parts, part 2]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1911. Pp. 276–293. (In Russian)
8. Milkov V. V. *Perevodnye filosofskie sochineniya v russkoy knizhnosti kontsa XV – serediny XVI vekov: evreyskie i arabskiye vliyaniya* [Translated philosophical works in Russian literature (end of 15th – mid 16th century): the Jewish and Arabic influence]. In: Dmitriev L. A., Likhachev D. S., eds. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [History of philosophy yearbook]. 2016. Pp. 269–295. (In Russian)
9. Pchela [The bee]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XIII vek* [Old Russian literature: 13 century]. Moscow, Publishing house “Hudozhestvennaya literatura”, 1981. Pp. 486–519. (In Russian)
10. *Skazanie ob Aristotele* [The legend of Aristotle]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5114> (In Russian)
11. Uzhankov A. N. *Stadial'noe razvitie russkoy literatury XI – pervoy treti XVIII veka. Teoriya literaturnykh formatsiy* [The gradual development of Russian literature of the 9th – the first third of the 13th century. Theory of literary formations]. Moscow, Publishing house of the of the A. Gorky Literary Institute, 2008. 528 p. (In Russian)
12. Chumakova T. V. *K voprosu o retseptsii Aristotelya v drevnerusskoy culture* [On the question of reception of Aristotle in the Russian culture]. *Veche. Almanakh russkoy filosofii i kultury* [Veche. An Almanac of Russian philosophy and culture]. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg University, 2004. Issue 16. Pp. 243–256. (In Russian)

*